

Киев, Москва, 1970, 23 февр. и 9

РАМОНА ВЕДЭЖИ

СТРОГИЙ СПРОС

Жил писатель. Прежде он строил заводы. Жил и составил. Писать стало труднее: одолевали сомнения, в том числе и те, что касались собственного литературного дара. С таким ощущением он закончил новый роман. И летним вечером отдал его на суд близких. Дочь Нина, сын Ким, тренер по легкой атлетике на стадионе Юных пионеров, и внук писателя — десятиклассник Альберт собрались у обеденного стола. Во время вдохновенного чтения Андрей Тимофеевич Жарков, в доме которого происходят события новой пьесы Виктора Розова «С вечера до полудня», неожиданно умолкает — один из его слушателей спит. Его собственный сын...

Так начинается спектакль на сцене Ленинградского академического Большого драматического театра им. М. Горького — режиссер спектакля Ал. Товстоногов, художник Ф. Афанасьев. И мы становимся свидетелями интереснейшей работы народного артиста РСФСР Кирилла Лаврова. В его актерской биографии образ Кима стал той характерной вехой, когда открытия ряда предшествовавших ролей откристаллизовались и проявились в новом качестве творческой зрелости.

Высокая простота, которой достиг Лавров в роли Кима Жаркова, — это не только владение тончайшими психологическими переходами, проявление способности к перевоплощению, она — в достижении актером полной органичности поведения героя.

Лавров сознательно лишает Кима Жаркова внешнего обаяния. Нет, он не спешит заручиться симпатией зрителя и изменить атмосферу осуждения, возникшую вокруг него в начале спектакля. Опускает актер и то, что его герой спортсмен, тренер по легкой атлетике. Он шлепает по квартире в домашних туфлях, то и дело засовывает руки под неизменный синий тренировочный свитер, нелепо оттягивая его на животе. И не умеет он ни притворяться, ни быть любезнее, чем он есть.

— Ты максималист, требуешь от людей больше, чем им

дано от бога, — бросает Киму сестра.

Но вот час испытания наступил и для самого Кима. Для Кима Жаркова сын Альберт — самое дорогое в жизни существо. Он вырастил его сам: жена Кима ушла из дома Жарковых семь лет назад. Альберт стал душевным цементом всей их семьи.

Из-за границы на три дня прилетела Алла — жена Кима и мать Альберта. Прилетела с тем, чтобы предложить шестнадцатилетнему сыну пожить в ее новой семье в Лондоне (Алла — жена дипломата), укрепить знания английского языка.

Сидя в спальне напротив сына, не проронив ни слова, слушает Ким — Лавров эту новость. А вы видите, как расширяются и перестают видеть его глаза, как услышанные слова, точно влившись в ухо, стекают к его сердцу! Нет, он не хватается за грудь, он встает и одеревеневшими ногами движется в другую комнату. Потом он садится и, пытаясь прийти в себя, сжимает голову руками. А потом происходит взрыв. С воплем: «Акула! Акула!» Лавров швыряет на пол и разбивает подвернувшуюся под руку посуду и, уже полностью теряя самообладание, топчет портрет женщины, родившей ему сына.

В этом крике отцовства, переданном актером высоко тра-

гедийно, нет уязвленного самолюбия и мелкой ненависти разведенного супруга. Здесь происходит главное, что многослойно выявляется К. Лавровым в образе Кима. Достоверность жизни, узнаваемость житейских конкретностей вырастают до крупного философского обобщения, переходят в раздумье о путях, которыми идет человек.

Сражаясь за сына, Ким — Лавров вступает в бой за духовные ценности человека. Он немало в том добился и боится, что в другой среде эти усилия могут свестись к нулю («вытопчет душу — и не заметишь!»). Не переставая любить свою бывшую жену, Ким тем не менее боится ее близости с сыном. Но боится он за Альберта зря. Ким уже воспитал человека — атмосфера духовной преемственности отличает его.

Ночной разговор сына и отца благодаря Лаврову и его превосходному партнеру — артисту В. Четверикову переходит в партию тончайшего душевного настроя, открывая лиризм и внутреннюю деликатность в отношениях двух мужчин. Значимость Кима в исполнении Лаврова не столько в том, что он ненавидит зло и способен его распознать, а в том, что он умеет тренировать душу для добра.

Правда героя Лаврова так узнаваема и понятна, что заставляет соизмерять ее с житейской правдой сидящих в зрительном зале современников, вынуждая и их обращать взор внутрь себя. Это сопоставление становится сопереживанием — тем родом потрясения, в котором и заключается волшебство театрального искусства.

Л. СОЛНЦЕВА.
Фото М. Блохина.

Ким Жарков — Кирилл Лавров.